

Султанов Николай Владимирович

**Древне-русские красные
изразцы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Владимирович С.**
Древне-русские красные изразцы / Султанов Николай Владимирович – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 36 с.

ISBN 978-5-519-75816-1

ISBN 978-5-519-75816-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

кирпичная, нежели терракотовая ⁵⁾). Обронный узоръ ихъ состоитъ изъ геометризированнаго орнамента, который Л. В. Даль совершенно справедливо называетъ „византійско - татарскимъ“, и дѣйствительно, если въ нижней части его стебли переплетаются на византійскій ладъ, то листья его верхней части носятъ несомнѣнный восточно-магометанскій отпечатокъ. Драгоценную особенность углицкихъ изразцовъ составляетъ то обстоятельство, что они могутъ быть приурочены къ определенной датѣ. Они, несомнѣнно, современны первоначальной постройкѣ дворца, что вполне подтвердилось при работахъ, произведенныхъ во время реставраціи дворца, а дворецъ этотъ былъ построенъ во 2-ой половинѣ XV в. углицкимъ княземъ Андреемъ Васильевичемъ Большимъ. Слѣдовательно, отсюда мы прямо можемъ заключить, что уже въ половинѣ XV вѣка красные изразцы были извѣстны въ Московской Руси. Фактъ для нашихъ цѣлей чрезвычайно важный!

Одного бѣглаго взгляда на всѣ приложенные здѣсь рисунки изразцовъ, за исключеніемъ 35-го, 36-го, 43-го и 44-го совершенно достаточно, чтобы вполне убѣдиться въ ихъ одновременности и полномъ тождествѣ техническихъ приемовъ. Слѣдовательно, если мы опредѣлимъ эпоху для нѣкоторыхъ изъ нихъ, мы опредѣлимъ ихъ для всѣхъ. Изразцы эти отличаются отъ углицкихъ, во первыхъ, гораздо меньшими размѣрами, ибо они имѣютъ всего только $4\frac{3}{8}$ вершк. ширины и столько же высоты; толщиною они всего только $\frac{3}{8}$; высота рюмки — 2 вершка. Во вторыхъ, ихъ масса гораздо тоньше углицкой и имѣетъ всѣ качества терракотовой, отмученной. Наконецъ, въ 3-хъ, всѣ они имѣютъ сзади рюмку, чего нѣтъ въ углицкихъ изразцахъ.

Присутствіе рюмки, а равнымъ образомъ тѣ изразцы въ видѣ „городка“ или акротера, которые были найдены Н. А. Шохинымъ ⁶⁾ и нами, прямо показываютъ, что рассматриваемые нами изразцы примѣнялись къ облицовкѣ печей, а не къ украшенію фасадовъ. Такимъ образомъ, углицкіе изразцы не могутъ быть рассматриваемы по относительной грубости своего матеріала, какъ болѣе древніе образцы: тутъ прямой преемственности нѣтъ, — одни наружные и стѣнные, а другіе — внутренніе и печные. Всегда можно предположить, что умышленно изготовлялись два разныхъ сорта: одинъ — болѣе грубый, наружный; другой — болѣе тонкій, внутренній. А значить углицкіе изразцы не

⁵⁾ Кирпичъ дѣлается изъ глины, въ которой бываетъ примѣсь песку, а терракотовыя издѣлія изъ самой чистой и вѣшней глины, отъ которой всѣ твердыя примѣси, въ родѣ мелкихъ камешковъ и песку, отдѣляются путемъ отмучиванія.

⁶⁾ Изразцы, найденные г-мъ Шохинымъ, совершенно одинаковы съ нѣкоторыми изъ найденныхъ нами въ Кремлѣ. Срав. у него на таб. № 5 и нашъ рис. 37.

могутъ намъ послужить исходной точкой для опредѣленія времени изразцовъ московскихъ раскопокъ. Угликіе изразцы даютъ намъ возможность лишь прочно установить тотъ фактъ, что въ XV вѣкѣ московская Русь уже знала красные изразцы.

Слѣдовательно, данныхъ для опредѣленія эпохи надо поискать въ самихъ московскихъ находкахъ, что мы и попытаемся теперь сдѣлать.

Обронныя изображенія, которыя мы видимъ на этихъ изразцахъ, сводятся къ тремъ категоріямъ:

1) Стилизованный растительный орнаментъ (см. рис. 37, 38, 39, 40, 41).

2) Изображеніе баснословныхъ и геральдическихъ существъ и животныхъ: кентавра — китовраса, двухглаваго орла, разныхъ птицъ и, наконецъ, химеры (см. рис. 23, 30, 31, 32, 33, 34 и 36).

Рис. 23—24. (Нел)

3) Разныя бытовыя сцены преимущественно изъ жизни военной и охотничьей (рис. 24, 25, 26, 27 и 28).

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію всѣхъ этихъ изображеній въ частности.

Изразецъ, представленный на рисункѣ 24, изображаетъ крѣпостныя стѣны, увѣнчанныя зубцами съ верхушкой въ видѣ ласточкина хвоста; надъ ними мы видимъ временныя коническія крыши, какія обыкновенно дѣлались на башняхъ. Затѣмъ между зубцами стоитъ „пищаль“ (пушка), поставленная наклонно, казенной частью къ низу. На стѣнахъ развѣваются знамена. Передъ крайнимъ зубцомъ стоитъ воинъ, который дер-

жить въ рукахъ „ручную пицаль“ (ружье), наклоняясь нѣсколько къ наружной сторонѣ стѣны. Очевидно, часовой или воинъ, обороняющій стѣну отъ штурмующаго непріателя.

На немъ надѣтъ короткій кафтанъ по колѣно, застегнутый спереди, расшитый, по древне-русскому обыкновенію, по всей груди петлицами и перетянутый поясомъ.

Головной уборъ такой формы, что объ немъ невозможно сказать чего либо опредѣленнаго.

Сзади война стоитъ на рукояти, остріемъ кверху, кривая сабля съ „елманью“, т. е. съ расширеніемъ у конца.

Обломокъ (рис. 25) изображаетъ идущихъ гуськомъ воиновъ, при чемъ первый, повидимому, знаменосецъ; говоримъ „повидимому“, ибо въ рукахъ его видно одно древко, а самое знамя, къ сожалѣнію, отбито. За нимъ идетъ второй воинъ съ „пицалью“ въ рукахъ; дальше видны только ноги третьяго. Одѣты они по предыдущему, въ короткіе, подпоясанные кафтаны, съ петлицами на груди. Обуты — въ высокіе сапоги, до колѣнъ; головныхъ уборовъ никакихъ нѣтъ.

На обломкѣ рис. 26 изображенъ приступъ къ крѣпости. Трое воиновъ лѣзутъ по лѣстницѣ; первый со знаменемъ въ рукѣ или бытъ, можетъ, съ копьемъ на которомъ надѣтъ значекъ; второй, повидимому, съ пицалью; отъ третьяго видны только одни ноги. Надѣво отъ лѣстницы два ниспровергнутыхъ воина: одинъ изъ нихъ уже на землѣ, а другой еще падаетъ; нѣсколько выше его представлена, вѣроятно, его отрубленная рука. Одѣты они по предыдущему.

На прекрасно сохранившемся изразцѣ рис. 27 изображены четыре всадника, изъ которыхъ первый, судя по коронѣ, царь, стрѣляетъ изъ лука; непосредственно за нимъ слѣдуетъ его знаменосецъ, который держитъ въ рукахъ царское знамя; за знаменосцемъ ѣдутъ два воина вооруженные, какъ кажется, пицальми ⁷⁾. Всѣ четыре всадника имѣютъ

Рис. 25—26.

⁷⁾ „Луками“ эти части считать нельзя, ибо лукъ носился въ „налучіа“ и привѣшивался къ поясу, слѣдовательно выступать настолько впередъ не могъ. Кромѣ того, въ пользу

колчаны со стрѣлами, привѣшенные на лѣвомъ боку, почти за спиной.

На всадникахъ-воинахъ надѣты племы, по своей формѣ очень напоминающіе такъ называемые *шишаки*. На платьѣ царя замѣтны опять

Рис. 27—28. (мил.)

петлицы; воины одѣты, повидимому, въ доспѣхи, застегнутые сбоку. Передъ царемъ, подъ лукомъ, изображена булава или скорѣе шестопѣрь. На конѣ царя лишь одно сѣдло съ нахвостникомъ; чепрака нѣтъ. Изразецъ этотъ единственный, имѣющій надпись, къ сожалѣнію, *таран-барскую*, разобрать которую нѣтъ ни малѣйшей возможности.

На изразцѣ рис. 28, нѣсколько болѣе грубомъ по работѣ, чѣмъ предыдущій, изображенъ всадникъ въ кафтанѣ (?) съ петлицами, въ коронѣ или скорѣе шапкѣ, украшенной драгоценными камнями; лицо отформовалось неудачно, но тѣмъ не менѣе ясно замѣтна остроконечная борода и длинный, прямой носъ. Въ лѣвой рукѣ онъ держитъ птицу, очевидно сокола или кречета, котораго онъ „спускаетъ“, судя по поднятымъ крыльямъ птицы; пра-

„пищали“ говорятъ тѣ кольца, которые набиты на стволъ и особенно замѣтны у послѣдняго всадника. Та же острая петля, которую мы видимъ подъ стволомъ, есть не что иное, какъ перевязь для ношенія пищали за спиною.

ченіе которой, по несовершенству изображенія, опредѣлить довольно трудно: съ одной стороны, ее можно принять, по смыслу сцены, за летящую съ распростертыми крыльями птицу; а съ другой, по сходству ея внѣшней формы съ другими окружающими, фигура эта может быть простымъ продолженіемъ орнамента.

Орнаментъ, заполняющій фонъ изразца, растительный, но несомнѣнно стилизованный. Разсматривать его, какъ изображеніе лѣса, довольно трудно, потому что соколиная охота происходила всегда на открытыхъ мѣстахъ, а потому назначеніе его заключается только въ заполненіи фона.

Рис. 29.

Рис. 30.

Рис. 31.

Рис. 32.

На обломкахъ рис. 29—32 изображенъ кентавр-китоврасть, который стрѣляетъ изъ лука, обернувшись назадъ. Къ сожалѣнію, при раскопкахъ не было найдено остальныхъ кусковъ этого любопытнѣйшаго изображенія и, такимъ образомъ, осталась неизвѣстной голова, которая по своему убранству могла бы прибавить нѣсколько характерныхъ чертъ. Туловище коня, соединенное съ торсомъ человѣка, и, наконецъ, вооруженіе большимъ лукомъ—все это хорошо знакомы намъ черты греко-классическаго кентавра. Но, въ данномъ случаѣ, этотъ классическій образъ является уже значительно обрусѣлымъ: тѣло кентавра не обнажено, а облечено въ кафтанъ съ петлицами.

Надъ колѣномъ правой передней ноги ясно замѣтна буква *т*, при-

надлежащая, очевидно, совершенно такой-же „тарабарской“ надписи, которую мы видимъ на изразцѣ рис. 27.

Рис. 33.

Растительный орнаментъ совершенно подобный предыдущему.

На обломкѣ рис. 30 изображена летящая птица, которая, весьма можетъ быть, служила дополненіемъ предыдущаго сюжета: она приходится въ лѣвомъ верхнемъ углу изразца, куда именно направлена стрѣла кентавра, и сама обернута головой въ его сторону.

На изразцѣ рис. 33 довольно грубое изображеніе двуглаваго орла; головы его, какъ

бы связаны однимъ общимъ ожерельемъ, отличаются очень большими клювами; крылья опущены внизъ. Орнаментъ, заполняющій фонъ, настолько неясенъ, что опредѣлить его значеніе крайне трудно.

Очень сходный по изображенію изразецъ былъ нами приобретѣнъ въ Угличѣ, отъ одного торговца древностями (рис. 34); о происхожденіи его торговецъ отзывался незнаемъ. Изображеніе двуглаваго орла здѣсь чрезвычайно отчетливо; крылья также опущены, а на головахъ ясно видны двѣ короны; средней нѣтъ. Орелъ заключенъ въ очень правильную круглую рамку, какъ бы указывающую на то, что онъ заимствованъ съ печати. Изображенія двуглаваго орла на этихъ изразцахъ даютъ поводъ предпола-

Рис. 34. Чингиз

гать, что они предназначались для дворцовъ.

При нашихъ раскопкахъ въ Кремлѣ нами было также найдено нѣсколько поливныхъ изразцовъ съ изображеніемъ двуглаваго орла и обломка одного краснаго

изразца, дословно повторяющаго рамку изразца рис. 34; недостающая средина несомнѣнно имѣла тоже изображеніе.

Красный изразецъ XVII в., найденный графомъ Уваровымъ въ

1851-мъ году въ Суздаль, на „воеводскомъ дворѣ“ и хранящійся нынѣ въ отдѣленіи „Русскихъ Древностей“ въ Румянцовскомъ музеѣ, точно также имѣетъ изображеніе двуглаваго орла

Обломокъ, изобр. на рис. 23-мъ, представляетъ собою птицу и растительный орнаментъ. Обломокъ этотъ интересенъ въ томъ отношеніи, что будучи найденъ при раскопкахъ въ Нѣмецкой улицѣ, онъ по характеру своего орнамента представляетъ собою полнѣйшее тожество съ изразцомъ рис. 32, найденнымъ нами въ Кремлѣ, а по техническому исполненію птичьей головы—съ кремлевскимъ же изразцомъ рис. 30 и съ углицкимъ рис. 34.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію изразцовъ, изображенныхъ на рис. 35 и 36.

На первомъ изъ нихъ представлено какое-то фантастическое животное, повидимому химера, которая обороняетъ дерево съ плодами ⁸⁾, бросааясь впередъ съ выпущенными когтями. Изразецъ этотъ, найденный нами въ Кремлѣ, рѣзко отличается отъ всѣхъ предыдущихъ какъ техническимъ, такъ и художественнымъ исполненіемъ. Если при первомъ взглядѣ на прочіе изразцы видно, что они оттиснуты въ грубо вырѣзанныя деревянные формы, то изящная и вполне отчетливая техника этого послѣдняго заставляетъ предполагать форму металлическую. Далѣе—прекрасный, вполне художественный рисунокъ его рѣзко отличается отъ неумѣлыхъ, крайне наивныхъ и совершенно условныхъ изображеній прочихъ изразцовъ.

Мягкія, спокойныя очертанія переплетающихся вѣтвей дерева вполне отвѣчаютъ его безстрастному, растительному характеру; тогда какъ химера—вся огонь и энергія: быстро сорвалась она съ своего мѣста, сильно оттолкнувшись правой задней вытянутой ногой, и яростно бросилась впередъ, выпустивъ когти и прижавъ рога къ шеѣ! Общій характеръ изображенія отличается необычайной жизненностью и носитъ на себѣ несомнѣнные слѣды восточнаго, персидскаго вліянія.

Перейдемъ теперь къ содержанію изображенія. Плоды на деревѣ—это золотыя яблоки; химера — это драконъ, стерегущій ихъ. Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ крайне древнимъ и очень распространеннымъ сказаніемъ. Чтобы покончить съ этимъ изразцемъ, скажемъ нѣсколько словъ о томъ, почему мы считаемъ „химерою“ изображенное здѣсь чудовище. Гомеръ описываетъ „химеру“ такъ:

⁸⁾ Какого рода эти плоды рѣшить довольно трудно: при внимательномъ разсматриваніи оригинала можетъ показаться сперва что это виноградныя гроздья; но то обстоятельство, что самый верхній плодъ не виситъ, а держится прямо на стеблѣ, заставляетъ отказаться отъ этого предположенія.

„И когда онъ пріялъ злосовѣтныя зятевы знаки,
„Юношѣ Беллерофонту убить заповѣдалъ Химеру
„Лютую, коей природа была отъ боговъ, не отъ смертныхъ: —
„Левъ головою, задомъ драконъ и коза серединой.
„Страшно дышала она пожирающимъ пламенемъ бурнымъ“.
(Иліада, пѣснь VI, ст. 178—182).

XV

— Рис. 35—36.

Итакъ, по Гомеру, въ составъ „химеры“ входятъ части льва, козы и дракона. По Гезіоду, она—чудовище о трехъ головахъ, изъ которыхъ одна лъвиная, другая козья, третья — драконова. Позднѣйшіе авторы на разные лады соединяютъ оба эти представленія. У чудовища нашего изразца мы видимъ тѣ же составныя части, но только въ иномъ порядкѣ, чѣмъ у Гомера. Голова — съ сильно выпуклыми глазными яблоками, пригнутыми къ шеѣ рожками и остроконечной бородой подъ нижней челюстью — несомнѣнно козлиная; крылья и лапы съ длинными когтистыми пальцами, — обычная принадлежность дракона; наконецъ, нѣсколько поджарое туловище и округлый задъ съ длиннымъ хвостомъ, оканчивающимся пушистою кистью, — безусловно лъвинные. Итакъ, въ виду тѣхъ же составныхъ

частей, т. е. козьей головы, лъвиного туловища и драконовыхъхъ рыльцевъ и лапъ, мы рѣшили считать это чудовище за изображеніе „Химеры“.

Этотъ диковинный и пока едва ли не единственный экземпляръ будетъ несомнѣнно однимъ изъ прекраснѣйшихъ украшеній коллекцій Историческаго Музея.

Изразецъ рис. 35 представляетъ собой орнаментъ до такой степени схожій съ поливными изразцами второй половинѣ XVII столѣтія, что онъ, вѣтъ всякаго сомнѣнія, относится къ тому же времени. Кувшинъ или ваза и виноградныя гроздья являются въ данномъ случаѣ характернѣйшими признаками. Что же касается до необычной, не квадратной формы изразца, то она обусловливается его назначеніемъ: на печахъ нашихъ выше карниза дѣлалось особое зубчатое украшеніе, которое называлось „городками“ и состояло изъ поставленныхъ рядомъ изразцовъ треугольной формы — „городковъ“. Изразецъ рис. 35 представляетъ собою несомнѣнно „городокъ“⁹⁾. Но въ немъ есть одна особенность, которой мы въ прочихъ „городкахъ“ не замѣчаемъ, — наибѣйшее сходство его съ тѣми кивотцами для иконъ Евангелистовъ и Благовѣщенія, которые дѣлались на нашихъ царскихъ дверяхъ XVI и XVII столѣтія; кивотцы эти обыкновенно очерчены были многолопастной кривой линіей и увѣнчаны сверху тремя церковными главками. То же самое мы видимъ и здѣсь, ибо верхніе три выступа иначе и разсматривать нельзя, какъ церковныя главы, шеи которыхъ снабжены узкими вытянутыми арками и увѣнчаны грановитыми куполами, на подобіе грановитыхъ куполовъ Василия Блаженнаго или церкви Владимірской Божіей Матери у Никольскихъ воротъ въ Москвѣ. Конечно, трудно себѣ представить, чтобы набожный мастеръ XVII вѣка вздумалъ помѣстить изображеніе церкви на печи, а потому

Рис. 37—38.

⁹⁾ Такой же точно „городокъ“ представляетъ собою обломокъ рис. 31. Красный поливной „городокъ“ былъ найденъ и опубликованъ Шохинымъ, какъ мы уже указали выше.

остается только предположить, что изразецъ этотъ былъ верхней, средней частью рамы, окружавшей какой нибудь вдѣланный въ каменную стѣну образъ, на подобіе того, какъ окружены рамами изъ поливныхъ изразцовъ оконныя отверстія въ Новомъ Іерусалимѣ и въ ярославскихъ церк-вахъ. Впрочемъ, это наше личное предположеніе и вопросъ о назначе-ніи этого изразца мы оставляемъ открытымъ.

Рис. 37, 38, 39, 40, 41 и 42 представляетъ собою растительную орнаментику, но сильно стилизованную и не имѣющую никакихъ ре-альныхъ чертъ.

Относительно изразцовъ этихъ слѣдуетъ замѣтить, что обломокъ рис. 41, найденный нами въ Кремлѣ, совершенно тождествененъ съ

Рис. 39—41.

изразцомъ рис. 39, найденнымъ при постройкѣ дома на Нѣмецкой улицѣ; и что изразецъ рис. 37, который былъ нами выкопанъ въ Кремлѣ, на мѣстѣ древнихъ „Приказовъ“, т. е. нынѣшняго мѣста по постройкѣ памят-ника Императора Александра II, почти совершенно схожъ, какъ мы уже сказали, съ упомянутымъ выше изразцомъ, найденнымъ и опубли-кованнымъ Н. А. Шохинимъ. Такъ какъ орнаменты этихъ изразцовъ не отличаются ни строго византийскимъ, ни восточнымъ, ни западнымъ характеромъ, то ихъ безусловно слѣдуетъ считать за чисто русское произведеніе или по крайней мѣрѣ за полную русскую перера-ботку. Они отчасти напоминаютъ ту оброчную работу, которую мы